

Высоцкий: Вова, Володя, Владимир

Под таким названием Государственный культурный центр-музей В.С.Высоцкого выпускает книгу, рассказывающую о его школьных годах. Читателям газеты предлагаем некоторые отрывки из этой книги журналиста Всеволода Чубукова.

Второго января 1947 года Володя Высоцкий уезжал во второе в своей жизни путешествие - в Германию. Нина Максимовна привела сына на Большой Каретный буквально за два часа до отхода поезда. Там они и познакомились - Володя и вторая жена отца. С первого же момента отношения у них сложились доверительные и сердечные, они искренне привязались друг к другу. Рассказывая о первой встрече с Володей, Евгения Степановна упомянула, что душой и сердцем «сразу почувствовала, что это мое... наш ребенок - и все». Так непоседливый мальчишка с лукавыми глазенками, в которых можно было прочесть: «А со мной не так-то просто будет жить», круто изменил ее дальнейшую судьбу. Поначалу у нее все же возник страх, что Володя будет проситься к маме. Но этого не произошло. Он повел себя так, что развеял все ее сомнения. Этот «чертенок рыжешкий», как она его иногда называла, ворвался в ее жизнь, заполнил заботами о себе, заставил забыть прежние потери и невзгоды...

В Германии Володя с отцом и Евгенией Степановной находился до октября 1949 года. Заканчивал там второй, третий и четвертый классы, учился в русской школе вместе с другими советскими военнослужащими и вольнонаемными. У Семена Владимировича не раз спрашивал об оценках сына за эти три года: «Сохранились ли дневники или какие-либо другие документы, свидетельствующие об учебе Володи в Германии?». Результат оказывался неутешительным... Сегодня определенно можно сказать, что документы с отметками Володи - годовыми, а тем более четвертными - не сохранились. Убежден, что их нет и в немецких архивах.

Семен Владимирович бережно хранит лишь медицинскую книжку школьника, на обложке которой значится: «Высоцкий Вова - 2-а, 3-а, 4-а». Бегло проанализировав записи из этой книжки, могу сказать, что в конце 1948 года военным врачом одного из гарнизонов Группы советских оккупационных войск в Германии (подпись неразборчива) констатировано: «На верхушке сердца первый тон не чистый». Впервые официальным документом зафиксировано незначительное отклонение от нормы в работе сердца Володи. Правда, через три месяца это отклонение отмечено не было, а наоборот, подчеркнуто: «Тоны сердца чистые». Позже, уже в Москве, когда семья Высоцких вернулась в Большой Каретный, школьный врач снова поставит тот диагноз и даже освободит Владимира от занятий по физкультуре...

Издавна эта местность с неширокими улочками и переулками на окраине Москвы носила название Спасской слободы. Один из ее переулков назывался 1-й Спасский. После 1862 года он именовался Спасской улицей, с 1866 года - Боль-

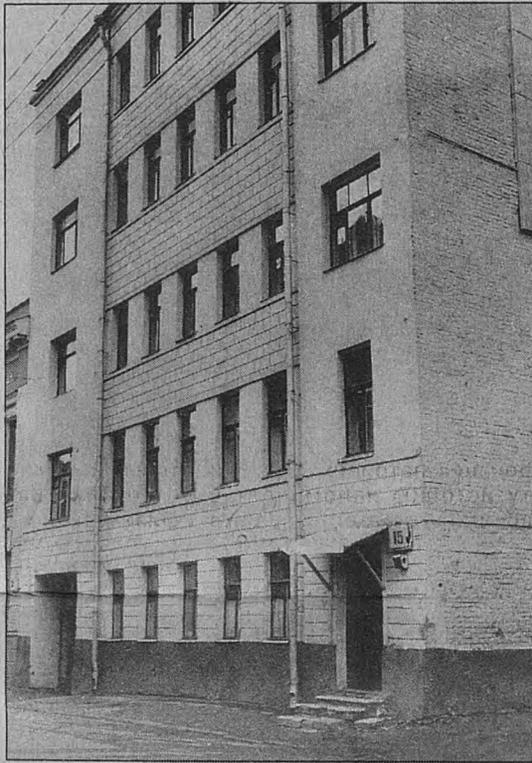
шим Спасским переулком, с 1922 года - Большим Каретным, а с 1956 года - улицей Ермоловой. Ныне он вновь - Большой Каретный.

...На месте снесенной Спасо-преображенской церкви (вместе с обширным кладбищем) построено здание школы, которой присвоили № 186. Открыли ее в 1936 году, в 22 классах обучались 868 учащихся. С 1962 года школа стала восьмилетней, в 1969 году ликвидирована. В наши дни в несколько перестроенном здании школы размещается Миснистерство юстиции Российской Федерации (дом №10-а).

Судя по документам объединенного архива учреждений народного образования Москвы, Володя Высоцкий был зачислен в пятый «е» класс 186-й мужской средней школы тогда Коминтерновского района 6 октября 1949 года. Был еще и пятый «ж» класс, т.е. в школе насчитывалось семь пятых классов... Уже прошла половина первой четверти. По списку класса Володя стал 37-м учеником. Во второй четверти добавилось еще двое, а в третьей - один учащийся. Таким образом, число учеников в классе даже по тем временам достигло предельной цифры - 40. Классным руководителем была назначена Елена Сергеевна Ряхская, преподаватель естественных, ботаники и биологии.

Володя освоился не сразу, бойким не был, скорее слыл тихим. За оставшийся месяц до ноябрьских праздников и окончания четверти он нахватал посредственных оценок столько, сколько у него не было ни разу ни в одном году. Четвертные отметки по большому числу предметов практически были выведены по единственному ответам у доски или контрольным. В итоге троек оказалось пять и даже «неуд» по русскому письменно. Но в последний момент, а скорее всего сразу же после праздников исправил его на тройку. Первый блин, как водится, оказался комом и у него. Это была самая худшая успеваемость Владимира за четверть в течение всего шестилетнего обучения в этой школе и, уверен, за всю десятилетку. Главное, что это испытание он выдержал: во второй четверти посредственные оценки по основным предметам исправил на хорошие. Но откровенно

не шло рисование. В третьей четверти снова осечка: опять по русскому письменному двойка. Снова успел исправить, и даже на «хорошо». Исправил еще пять предметов на хорошие и отличные оценки. Как ему это удалось - постичь не могу. Надо же, шесть отметок исправил, после того как они уже были выведены за четверть в свободной ведомости учета успеваемости. Третью четверть закончил без троек. С еще большим успехом Высоцкий завершил последнюю четверть в самом сложном для себя учебном году. Отлично сдав экзамены, по результа-

Большой Каретный, д. 15. Здесь жил В.Высоцкий.

там годовых оценок (по числу набранных баллов) он блестяще закончил пятый класс, поделив с Евгением Янышевым 3-4-е места, пропустив вперед лишь двух отличников Валерия Корнева и Валерия Петрова. К слову, оба Валерия и дальше никому не позволяли себя обходить, они стали штатными отличниками...

Вдруг Евгения Степановна стала замечать, что Володи нет во дворе. Его не было и в соседних дворах и переулках. Сердце вмиг сжалось. Успокаивало лишь то, что она знала его самостоятельность и обязательность. Случайно от своей родственницы, Риммы Кузнецовой, часто приходившей к ним в дом, она узнала, что Володя стоит на углу Садовой-Самотечной улицы и Цветного бульвара. Со стороны Садовой, во дворе дома № 20, находилась пекарня, в лавке которой продавали только что испеченные, надрезанные, с вложенной внутрь котлетой (она называлась московской) булочки. Рядом торговали вином в розлив. И все это по очень дешевым ценам.

Здесь, поблизости от Центрального рынка, с окрестных улиц, переулков и дворов собирались вернувшиеся с фронта инвалиды - кто без

руки, кто на костылях, а кто на самодельных тележках на шарикоподшипниках в выцветших, застиранных, с нашивками о ранениях гимнастерках. Орденов не надевали. Тогда ни их, ни медалей, ни колодок к ним носить принято не было. Инвалиды сюда приходили, приползали, приезжали на подшипниках, оглашавших соседние улицы характерным скрежещущим звуком, чтобы перекусить и, честно говоря, выпить после своих «праведных трудов» на рынке, где играли на деньги в веревочку, наперсток, карты... Там их гоняла милиция, а здесь за углом у них был свой клуб, каждый участник которого делился всем, что имел, рассказывая о своих бедах, друзьях, подвигах... О последних за редким исключением. Ни чванства, ни бахвальства у истинных героев не было. Эти людские слабости у них начисто отсутствовали. Володю тянуло сюда. Здесь ему было интересно. Здесь - сама история войны, ее трагедии, отголоски которых он почувствовал, когда был в Германии. Отец воевал, но его не спросишь - он службу продолжал на Украине.

Сначала Володя больше слушал, потом стал что-то сочинять и рассказывать. Фронтовики, ненароком ставшие невольными первыми слушателями и зрителями, всегда ждали его, а уж он перед ними гримасничал, жестикулировал, а когда и приплясывал, каждый раз придумывая что-то новое. Получалось естественно и смешно, и от этого всем становилось легче. Римма не раз Володю звала домой, но не тут-то было.

Узнав о таком повороте событий, Евгения Степановна спешила сюда за Володей, а он, скоморошничая, не замечал ее, а случайно увидев, не смущаясь, старался не обращать на нее внимания. Изредка повернется, посмотрит в ее сторону озорным, с хитрецей взглядом, махнет рукой, как бы сказав: «Ну сейчас, чуть-чуть подожди», и продолжает свое действо. Остановить его было невозможно. В такие минуты он весь светился неистощимой фантазией. Что творилось в эти мгновения в душе Евгении Степановны! Втайне она гордилась им. Только после того, как он заканчивал «спектакль», где сам был режиссером и исполнителем, его можно было увести домой.

Инвалидам Володя нравился, и они каждый раз, провожая его, говорили много добрых слов Евгении Степановне: «Ты, сестричка, не забивай его. Хороший у тебя малец!». И поднимали большой палец.

Полагаю, именно поэтому Самотека и стала, как он поэту скажет, самым любимым для него местом Москвы. Убежден, что тот угол Самотеки был его первой сценой и первым шагом к Мечте!

В следующем учебном году Володя легко втянулся в учебу и на протяжении всего года не позволял себе расслабляться, хотя успеваемость у него упала. И все же больше двух-трех посредственных оценок в четвертях не имел. Основным камнем преткновения стал новый предмет - черчение. Стабильно получал тройки.

(Окончание на 2-й стр.)